

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА

*Работа представлена отделом языкознания
Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.
Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Е. Б. Бесолова*

*Статья посвящена вербальному коду текстов, сопровождающих поминальные обряды осетин. В статье рассматриваются социальные функции поминальных обрядов осетин *зыххэссэн* и *зардæвæрæн*, а также композиция и символические образы словесных текстов, сопровождающих обряды.*

Ключевые слова: *погребально-поминальный обряд, ритуальный текст, посвящение, символ.*

М. Darchiyeva

VERBAL CODE OF CEREMONIAL TEXT

*The article is devoted to the verbal code of texts accompanying funeral ceremonies of the Ossetians. The author studies social functions of Ossetian funeral ceremonies called *zazhassan* and *zardavaran* and also the composition and symbolical images of verbal texts accompanying ceremonies.*

Key words: *funeral ceremony, ritual text, dedication, symbol.*

Общеизвестно, что текст участвует в коммуникации как средство отражения и преобразования внелингвистической действительности. Следовательно, текст «можно рассматривать как вербальную и знаково зафиксированную “реакцию” на ситуацию. Текст ею провоцируется и ее отражает» [4].

Вербальное выражение обряда, словесный, текстуальный материал составляет единое с ритуальной и магической функциями обряда, хотя признается учеными более поздним, чем действие определенного ритуального значения. Обряд, как явствует из анализируемого

материала, содержит как кинетический, так и словесный тексты. Эти две стороны одного обряда дополняют друг друга и с разных сторон раскрывают суть и смысловое понимание, значение его, причем сопровождающий обряд словесный текст имеет немаловажное значение в деле изучения объекта культа, и на это необходимо, по мнению М. В. Кантария, обратить соответствующее внимание [5, с. 168].

Обрядовый текст соткан из знаков различных информационных кодов, но ведущей остается, безусловно, *вербализация*, которая вбирает в себя функции предметного и

акционального кода, которыми обычно оформляются обрядовые жанры.

Е. Б. Бесолова в монографии «Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения» считает правомерным рассмотрение погребально-поминального комплекса осетин как определенной знаковой системы, имеющей внутреннюю структуру и сложную организацию элементов. Принадлежность погребального обряда к семиотическому уровню требует, по ее мнению, использования в работе структурно-семантического метода, так как с его помощью возможна реконструкция религиозно-мифологических представлений осетин как целостной знаковой системы. Мы разделяем ее позицию относительно того, что «элементы погребального ритуала в таком случае выступают как знаки, а сам погребальный обряд – как текст, под которым понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации» [3, с. 19]. Такое понимание текста, как единицы языка, несомненно, позволяет выявить *особый план и содержания, и выражения обрядового текста*, для которого свойственно использование не только языковых знаков (к примеру, текст обряда посвящения *хæлар*).

Е. Б. Бесолова считает, что обряд обладает и дополнительной возможностью выражения, что причисляет его к категории «культурных текстов»; он художественный, так как построен на обрядовых, символических нормах и «имеет эстетическое значение, необыкновенно *вариативен*, тем самым сближается с фольклорным текстом, а также с этнографическими и археологическими текстами» [3, с. 19]. Фольклористами вариативность воспринимается как важнейшая категория теории фольклора, она должна быть также осмыслена как фундаментальное свойство всей традиционной культуры, хотя, по К. В. Чистову, этот вопрос в большинстве сфер этнографии изучается пока явно недостаточно [8, с. 123].

В этом свете представляют интерес тексты обряда посвящения *хæлар кæнын* и *фæлдыст*.

Лексема *хæлар*, по В. И. Абаеву, имеет несколько значений. Среди них: 'идуший впрок', 'во благо', 'на здоровье'; *xælar kænyn* 'дарить', 'посвящать'... Нас интересует семантика «посвящать» *хæлар кæнын*. Из араб., перс. *halāl* '(ритуально) дозволенный', 'чистый', 'неоскверненный'... [2, с. 165–166].

Другое наименование посвящения – *фæлдыст* – букв. «посвящение, творение», *фæлдысын* (букв. «посвящать, творить») – номинация похоронного обряда. «Высказано предположение, что в основе этого понятия лежит единый смысл чародейства. В частности, *творить* – значит вызывать с помощью заклинаний; *посвящать* – означает с помощью заклинаний переводить из земного плана в загробный» [1, с. 435–436]. По мнению В. И. Абаева, обычай посвящения умершему людей и животных восходит к скифским временам (десятки заколотых коней «сопровождали» скифского царя в загробный мир). В более облагороженном виде эти обычаи сохранялись у осетин до недавнего времени [7, с. 249].

«Несмотря на два сильно расходящихся значения лексемы *фæлдысын* («творить» и «посвящать покойнику»), перед нами, – пишет В. И. Абаев, – по-видимому, один глагол, а не два исторически разных глагола, случайно совпавших по звучанию. Объединяющим семантическим стержнем было, как нам кажется, понятие 'чародейства', 'заклинания'... Глагол *фæлдысын* представляет сращение преверба *fæl-* с основой *dis/des-* (др.-иран. **paridais-*). Основа имела значение 'провозглашать', 'посвящать' (в религиозном смысле)... Ср.: «наряду с др. инд. *diś-* 'показывать', др. инд. *dīks-* 'посвящать', в частности 'посвящать покойнику' (*maranāya*)...» [1, с. 436].

В текстах обряда посвящения *хæлар кæнын* номинативный пласт атрибутивных сочетаний, в число которых входят пространственные номинации, фиксирует и наглядно демонстрирует в определенном семантическом объеме степень познания пространства с избирательным выделением ценностно значимых признаков. По модели *прилаг.+сущ.* построены бинарные сочетания

фæлмæн бынат – мягкое место, *хъарм бынат* – теплое место, *сыгъдаг бынат* – чистое место, *рухс дзæнæт* – светлый рай, *цъæх нæуу* – зеленый дерн, *рухс бынат* – светлое место, *сыгъзæрин талатæ* – золотые побеги, ростки (о месте пребывания покойного); по модели *суц. + суц.* – *Барастыры бæстæ* – царство Барастыра (царя потустороннего мира у осетин). Причем последняя модель является более широкой, включающей в себя предыдущие. Кроме того, приведенные модели объединены на основе «свето-цветового» семантического регистра: *рухс* – светлый, *цъæх* – зеленый, *сыгъзæрин* – золотой. Приведенные примеры – факт особенностей организации фольклорного содержания концепта *пространство*. И данное пространство на основе бинарной оппозиции «свой – чужой» информаторами воспринимается, естественно, как пространство «чужое».

Тексты посвящений имеют также одну и ту же композиционную форму, сохраняют формульность мотивов и их семантику. Обязательными компонентами посвящений являются:

- обращение к Богу с просьбой оградить семью от новых несчастий;

- обращения к умершему (чтобы все приготовленное для него было поделено им с окружающими, с теми, с кем он сам пожелает; чтобы все приготовленное было неиссякаемым и нетленным); пожелания: *«Хуæруни барæ, дæттуни барæ дæ уæд. Æнæбары хай макæмæн бакæнаæ. – Пусть будет у тебя право есть и отдавать», «Дæ раз дзагæй дзагдæр кæнæт, ногæй ногдæр кæнæт. – Пусть перед тобой все становится полнее и новее»;*

- пожелания живущим, семье умершего: *хорзыл уын бацаудæд; цардауыдæн кæнæт; дæ хеонтæ, дæ ауылаен бæркад цардбæл баода;*

- благодарность в адрес пришедших разделить горе.

В этих обращениях нам видится **коммуникативная** функция [6] поминальных обрядов осетин: обряды являются своеобразным каналом общения, в данном случае – родственников и близких умерших друг с

другом либо с гипостазированными существами (Богом, душой умершего), которые выступают в качестве посредников общения между людьми.

Широко используются постоянные формулы, формулы-сюжеты:

а) пусть еда, приготовленная для тебя, летом не гниет, а зимой не замерзает: *«Цалынмæ будури цалх зела, хонхæй дор тulla, уæдмæ дæ раз идзагæй идзагдæр кæнæт, сæрдæ дин симæр ма кæнæнтæ, зумæг ба дин сæлгæ ма кæнæнтæ. – Пусть до тех пор, пока в поле колесо крутится, а с горы камень катится, всего перед тобой будет вдоволь, летом пусть не гниет, зимой не мерзнет»;*

б) с кем разделить трапезу: *«Æнæбары хай дзы макæмæн кæн, чи дын и уым, æмæ дзы дæ бон кæмæн у, гъе уыдонæн дзы хай кæн. – Нехотя не делись ни с кем, с теми, кто есть у тебя там, и с теми, с кем можешь, делись»;*

в) пусть покровительствуют родным и близким – *хæрзмæ уыл ауыдæнт;*

г) характеристика места – *дзæнæты бад, мæрдты рухсаг у;*

д) анафора или единоначатие: *Дæ ингæн – рохс, дæ мæрдзаг – уорс; дæ ком æвгъаст уæт, дæ къох æхснат уæт;*

е) рефрен: *«Рухсаг у!», «Хуыцау, табу уæд!», «Хæлар дын уæнт!»;*

ж) эпитеты: *рухс дзæнæт, цъæх нæуу, рухс бынат, сыгъзæрин талатæ, фæлмæн бынат, хъарм бынат;*

з) параллелизм: *цъæх зæлда – дæ бадаен, æхсири цада – дæ найсен...*

Символические образы, встречающиеся в текстах: *дзæнæты фæткъуы* – райское яблоко, *цалх* – колесо, *дор* (диг.) – камень, *æхсыры цад* – молочное озеро, *дони хай* (диг.) – доля воды, *цъæх нæуу, цъæх зæлда* (диг.) – зеленая поляна, зеленый дерн.

Словесные тексты, сопровождающие осетинские поминальные обряды *зазхæссæн* и *зæрдаæвæрæн*, наглядно демонстрируют способы вербализации определенных концептуальных областей ментального пространства осетин и являются следствием прагматических установок говорящего. Тексты посвящений *хæлар* имеют одну и ту же

композиционную форму, сохраняют формульность мотивов и их семантику. Через определенную систему образов, содержащуюся в приведенных текстах, можно проследить *мировоззренческую* функцию рассматриваемого нами обряда. «Ритуальное действие в этой функции схоже с мифом, а зачастую и повторяет его. Посредством ритуала объясняются основы миропонимания, а также мирочувствование – эмоциональное принятие или непринятие предлагаемых норм в свершении ритуала. Роль обрядов в этой связи состоит в том, что они открывают доступ к священным объектам, а затем обеспечивают возвращение в привычный мир, формулируют идеалы, к которым стремятся люди и которые стимулируют общественное развитие» [6].

Обряд и ритуал играют огромную роль в познании человеком многогранной системы культуры. Выделяют пять социальных функций обряда и ритуала: мировоззренческую, коммуникативную, регулятивную, интегрирующе-дезинтегрирующую, культуротранслирующую.

Семантику поминального обряда *заххаэссен* некоторые информаторы видят в оказании

поддержки семье, утратившей кого-либо из близких. В этом, на наш взгляд, состоит *интегрирующая* функция обряда. Совместные обряды, в том числе в таких жизненных ситуациях, как рождение, брак, смерть, укрепляют чувство групповой солидарности.

В обязательности и точности исполнения поминальных обрядов нам видится *регулятивная* их функция, состоящая в том, что с помощью определенных идей, ценностей, установок стереотипов, традиций, набора действий осуществляется управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением лиц, участвующих в обряде или ритуале.

Поминальные обряды осетин, в том числе и рассматриваемые нами, отличаются особой традиционностью и консервативностью. Обязательность и четкость их исполнения указывает на *культуротранслирующую* функцию. Традиция через обряд передает нормы жизни человека, направленные на сами основы его существования. Каждый раз, следуя принятым обрядам и установленным ритуалам, человек как бы заново соприкасается с моментом создания мира, прослеживает его развитие, соотносит себя с ним [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. I. 656 с.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV. 328 с.
3. *Бесолова Е. Б.* Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.
4. *Власов А. Н.* Фольклорный текст в контексте междисциплинарных исследований. URL: litred.ru/downloads/vlasov.doc (Дата обращения 19.06.2009 г.)
5. *Кантария М. В.* Некоторые стороны традиционно-ритуальной религии осетин // Проблемы этнографии осетин / отв. ред. В. Х. Тменов. Орджоникидзе: Ир, 1989. 207 с.
6. *Сертакова И. Н.* Социальные функции обряда и ритуала. URL: <http://www.analiculturolog.ru> (Дата обращения 19.06.2009 г.)
7. *Уарзиаты В. С.* Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / сост. В. А. Цагарев, Е. М. Кочиева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 552 с.
8. *Чистов К. В.* Традиция в свете фольклористической теории // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

REFERENCES

1. *Abayev V. I.* Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. T. I. 656 s.

2. *Abayev V. I.* Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka. L.: Nauka, 1989. T. IV. 328 s.
3. *Besolova E. B.* Yazyk i obryad: Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' osetin v aspekte eyo tekstual'no-verbal'nogo vyrazheniya. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. 406 s.
4. *Vlasov A. N.* Fol'klorny tekst v kontekste mezhdistsiplinarykh issledovaniy. URL: lit-red.ru/downloads/vlasov.doc (Data obrashcheniya 19.06.2009 g.)
5. *Kantariya M. V.* Nekotorye storony traditsionno-ritual'noy religii osetin // Problemy etnografii osetin / otv. red. V. Kh. Tmenov. Ordzhonikidze: Ir, 1989. 207 s.
6. *Sertakova I. N.* Sotsial'nye funktsii obryada i rituala. URL: <http://www.analiculturolog.ru> (Data obrashcheniya 19.06.2009 g.)
7. *Uarziaty B. S.* Izbrannyye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika / sost. V. A. Tsagarayev, E. M. Kochiyeva. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2007. 552 s.
8. *Chistov K. V.* Traditsiya v svete fol'kloristicheskoy teorii // Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya: sb. st. M.: OGI, 2005. 272 s.